

О. ЛАРИОНОВА

Подсадная утка

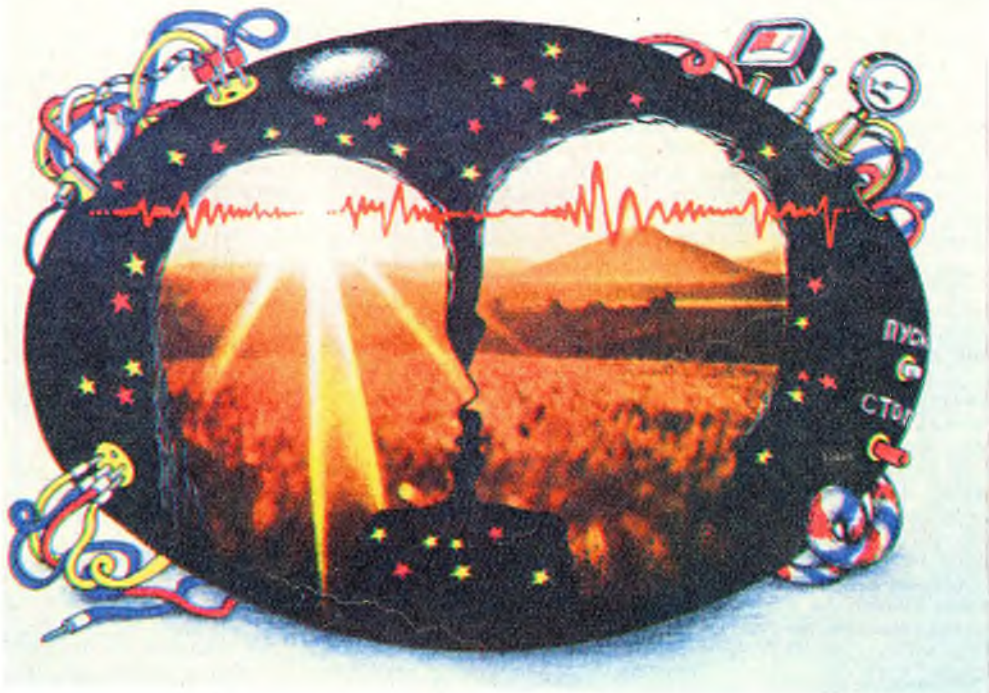

Рис. Н. Кошкина

...Теперь об этом говорили не только они, но еще сотни, тысячи людей на Земле, и не только на Земле — на всех станциях Приземелья, и не только сегодня — все эти последние полгода. Но найти четкое конструктивное решение — что делать? — не мог никто...

— Само слово «невозможно» — это даже не отрицание. Это сигнал! Это — все сюда, все, кто может, все, кто откажется!

— И у кого на плечах — трезвая голова, — мягко заметила Ана.

— Как бы не так! Те альфиане, что с трезвыми головами, не летели к нам на помощь, наперед зная, что нет никаких шансов вернуться. Они подчинились запрету. Но лучшие...

— Безрассуднейшие...

— Стоп! Безрассудство. Безумство. Не в этом ли решение? Ты снимала пси-спектры безрассудных порывов?

— И ты еще спрашиваешь, Рычин! Альфиане в эмоциональном отношении настолько сильнее нас, что даже ты со своим цыганским темпераментом — разваренная лапша по сравнению с любым альфианским флегматиком, а твой пси-спектр — зубочистка рядом с мачтой высоковольтной передачи. Потому-то десмоды так безошибочно и отличали альфиан от нас — ведь нападения десмода на человека пока не обнаружено, ни единого случая.

— Ана, золотко мое яхонтовое, как говаривали мои дремучие, но поэтичные предки! Да этих случаев и не собирались обнаруживать! Наш Совет по галактическим контактам так боится попортить отношения с Альфой, что всем медицинским и юридическим информаториям был послан запрос в до того беспомощной форме, что отрицательный ответ просто подразумевался сам собой. Альфиане за-

претили нам вмешиваться — понимаешь, нам, целому человечеству, которое еще совсем недавно было пренеполно такого уважения к себе. Они установили монополию на борьбу с десмодами, а нам оставили места в партере — смотрите, граждане Земли, как умеют бороться и умирать представители высшей цивилизации!

— Но что делать, если они действительно опередили нас? Ты забываешь, что это они поддержали контакт с нами, а не мы с ними — ведь у нас кончается только третий космический век, а у них начался двадцать шестой! У нас, конечно, много общего — аппаратура мгновенной связи, методика снятия пси-спектров, медикаментов — вон целая куча, космолеты малого каботажа. Все это общее, но все — альфианское, дорогой мой. За девятнадцать лет контакта они передали нам все, о чем мы только смели мечтать, но у нас не взяли взамен ничего, да еще и пригрозили: попробуйте помогать нам — разорвем контакт, только вы нас и видели...

— Но неужели вы там, в своем Совете, — кипятился Рычин, — не можете им намекнуть, что это, мягко говоря, унизило для нас. И что пора кончать этот всегалактический детский сад, где нам отводится теплое местечко в малышовой группе... Кстати, а когда у вас намечено очередное заседание Совета?

— Сегодня, на двадцать три ноль-ноль.

— Внеочередное? Хм... А почему такая спешка?

Ана пожала плечами и поднялась. Выражение досады крайне не шло ее спокойному смуглому лицу, и в такие минуты Рычин называл ее «чашка кофе с молоком и кайенским перцем».

— Может, они боятся, что мы до чего-то додумаемся, — тогда, значит, нам есть до чего додумываться... А скорее всего они просто проинформируют нас о дальнейшем перемещении зоны защиты — ведь они взяли за правило сообщать нам о всех своих действиях в пределах Солнечной.

— Проинформируют... Как в школе! Но неужели Совет не может...

— Ох, Рычин, ты опять за свое. Да не может Совет, ничегошеньки не может! Ты же видел альфиан по видеофону, они и слова-то нормально сказать не могут — или хохочут, или плачут, или кричат. Вот вспыхнут, выполнят свою угрозу — и отключатся! Так что на заседании Совет ни слова не возразит альфианам, но вот если ты до чего-нибудь додумаешься, — ты знаешь, к кому из Совета обратиться: Ван Джуда, Кончанский, Руогомаа...

— Да уж знаю.

Члены земного Совета размещались вдоль одной стороны стола, а за противоположной подымался экран, и на нем — изображение точно такого же стола, за которым размещались альфиане. Эффект присутствия был настолько сильным, что Кончанский, сохранивший до седых волос детскую наивность желаний, как-то признался Ане, что его так и подмывает потрогать альфиан рукой. На заседаниях он никогда не расставался с карандашом, делая весьма изящные и слегка шаржированные наброски своих собеседников. Но с недавних пор Кончанский стал рисовать исключительно десмодов. Разумеется, не тех космических чудовищ, которых никто не видел по той причине, что все земные и альфианские приборы — электронные, радиационные, гравитационные и пси-соративные — не в состоянии были их зафиксировать; нет — он покрывал странички своего альбома набросками вполне реальных южноамериканских летучих мышей со складчатыми, отнюдь не хищными мордочками и перепончатыми крыльями библейских василисков. Правда, маленькие вампиры Кончанского, как правило, напоминали кого-нибудь из людей, а чаще всего — Костю Руогомаа, старшего штурмана космического флота.

А ведь полгода назад название этих реликтовых животных было известно только зоологам. Человечество было занято совсем другим — за почти двадцатилетний период бескорыстного покровительства альфиан земная наука, техника, медицина, искусство — все это получило толчок, равно которому не было в истории развития человеческого разума. Альфиане появились на Земле как-то удивительно просто, в рабочем порядке; людям даже показалось, что они слегка опечалены, и явное разочарование гостей они отвесили за счет низкого уровня земной техники. Пришельцы непостижимо легко усвоили земной язык, — правда, изъяснялись они с экспансивностью, ставящей в тупик даже неаполитанцев и каталонцев. Между собой же они говорили крайне редко, ибо их способ общения лежал в сфере невчувственных контактов, а звуковой язык хотя и сохранился, но более для удовольствия, как пение у землян. Пришельцы соорудили на Мальте что-то вроде диспетчерского пункта связи и отбыли так же просто, как и прилетели.

Мальтийская станция раз в два месяца соединяла с планетой альфиан земной Совет по галактическим контактам; она же корректировала посадку альфианских грузовых космолетов. Занималась станция и еще чем-то, притом весьма интенсивно, но вот тут любопытство землян, обычно удовлетворяемое с избытком, наталкивалось на искусный маневр, которым альфиане всегда уходили от прямого ответа. А между тем проходили годы; не стало Рейнхарда Сиграма и Ромаса Ларломькина — обязательных членов первого состава Совета. На их место пришла молодежь — Исаму Коматару и «смуглая леди гаванских сонетов», как прозвал ее Кончанский, — Ана Элизастиги, несмотря на молодость считавшаяся крупнейшей специалистом по пси-спектрам. Дары альфианской цивилизации сыпались на Землю как из рога изобилия, и альфиане — чуткие, радужные и озабоченные какой-то неведомой людям бедой — все учили и учили людей пользоваться этими дарами.

А главное — их первый прилет продолжал оставаться единственным. И вот всего лишь полгода назад они сообщили людям, что их продвижение в космическом пространстве ограничивается отнюдь не техническими причинами.

Где-то в черных глубинах Вселенной притаилась колония живых и, несомненно, разумных существ, обладающих феноменальной агрессивностью и смертельно опасных для альфиан. Этим космических вурдалаков люди окрестили «десмодами» (на Земле действительно водились такие маленькие вампиры, питающиеся кровью животных). Увидеть, услышать, почувствовать нападение космического десмода было невозможно — о несчастье узнавали только тогда,

когда помочь было уже нельзя. Альфиане укрыли свою планетную систему (вместе с огромным сектором галактического пространства) непроницаемой для десмодов оболочкой пульсирующей защиты. Питали ее гигантские энергетические преобразователи класса «время — пси-энергия», функционирующие на космических буях; но стационарность этих преобразователей делала их непригодными для использования на космолетах, и для того, чтобы обеспечить безопасность одного-единственного перелета на Землю, альфианам пришлось возвести временный коридор пульсирующей защиты, выслав вперед себя армаду кибер-монтажников, собирающих преобразователи.

А затем в течение восемнадцати лет общий фронт непрерывной защиты подтягивался до самой Солнечной, пока не накрыл Приземелье — вот, оказывается, какие еще функции выполняла ретрансляционная мальтийская станция. Узнав об этом, жители Земли, образно говоря, не смогли найти слов для выражения благодарности. Но альфиане со свойственной им бесцеремонностью заявили, что-де не стоит — все это создавалось не для людей, а ради свободы дальнейших передвижений самих альфиан, так как космические чудовища никогда не нападали на человека Земли...

Это был первый случай, когда люди не поверили альфианам. Не то чтобы они испугались задним числом или оскорбились вызскательностью десмодов, не признавших земное человечество достойным блюдом, — нет, просто в безапелляционности старших братьев по разуму явственно проступила какая-то фальшь. И потом, как следовало из размещения космических буев, пульсирующая защита укрывала именно ту часть Солнечной, которая была освоена земными планетолетами. И только.

Совещание, созванное сегодня в столь экстренном порядке, поначалу ничем не отличалось от предыдущих: землянам было предложено задавать вопросы, и они, естественно, их задавали.

— Можно ли, простите, непосредственно зафиксировать момент нападения десмодов? — спросил Коматару с той обязательной восточной улыбкой, с которой он обращался к женщинам и пришельцам. — Что может быть проще! — воскликнул гигант с мускулатурой лесоруба и голубыми волосами Мальвины. — Зафиксируйте мой психоспектр и выбросьте меня за фронт защиты. Спектр исчезнет — меня съедят.

— А когда-нибудь, простите, имело место такое нападение именно в момент снятия спектра? — настаивал Коматару.

— Нет, не повезло, — дровосек Мальвина сокрушенно вздохнул. В устах человека такой ответ прозвучал бы ужасающе.

— А как вообще вы представляете себе механизм воздействия десмодов на человеческий мозг? — спросила Ана Элизастегн.

— На п а ш мозг, — поправила ее черная, как эбен, альфианка. В первые годы контакта людей очень занимал тот факт, что на заседаниях Совета напротив брюнета обязательно появлялся черно-волосый альфианин, напротив японца — лимоннокожий; эта странность объяснилась случайно, когда один из альфиан, обратившись к Ане, сделался вдруг чернее гуталина. Оказывается, жители Альфы не имели не только постоянной пигментации, но даже черт лица, и могли изменить форму ушей или носа в течение нескольких минут; принимать облик, подобный облику собеседника, было для них такой же нормой поведения, как для землян — находить общий тон разговора.

— Механизм воздействия нам непонятен, — вмешался сидевший напротив Кости Руугомаа распылившийся до безобразия альфианин. — Непонятен и страшен. Мозг умирает мгновенно. Даже через двадцать секунд реанимация невозможна, а следов поражения — никаких.

— И все-таки — симптомы?.. — не унимался Коматару.

— Да какие там симптомы! — крикнула темнокожая альфианка, и из глаз ее не потекли — нет, именно брызнули слезы. — Это смерть! Мы, не видя, воспринимаем ее так же, как вы почувствовали бы угасание вашего Солнца. Холод. Мрак. Оцененение. И — десятки доли секунды. Не помочь! Мы можем все, а тут — не помочь!!!

— Что же берут десмоды? — спросил Ван Джуда. — Пси-энергию?

— Дались вам эта пси-энергия! Это всего-навсего продукт деятельности некоторых участков головного мозга. Если бы десмоды брали именно это, они подключались бы к отдельным индивидам и благополучно паразитировали на них, оставаясь невидимыми и неощутимыми. Нам остается только предполагать, что в мозгу существуют поля тончайшей структуры, нам пока неизвестные, хотя сейчас наши исследователи пытаются их обнаружить. Нарушая эту тонкую структуру, десмоды вызывают смерть. А пока мы возмись с грубой механикой на атомарном уровне — биотоки, пси-структуры, нерегические потенциалы, — десмоды безошибочно выбирают самых мудрых, самых эмоционально одаренных из нас. Как?..

— Выбор мудрых и натолкнул вас на мысль о том, что смерть от «перегрузочной амнезии», как вы это раньше называли, — нападение?

— Нет. Дело в том, что десмоды имеют одну странность: они никогда не нападают друг за другом — только одновременно. Вот эта синхронность и насторожила нас — иначе мы до сих пор считали бы, что имеем дело с нераспознанной болезнью.

Ана незаметно переглянулась с Кончанским — альфиане и не заметили, какой решающе важной информацией они поделились...

— А когда вообще десмоды напали на вас в последний раз?

— Так на тот наш корабль и напали, на котором мы к вам летели, — как о самом заурядном событии, сообщил толстяк. — Космолет двигался по принципу водомерки — от одного защитного буя к другому. На последнем островке корабль вынырнул из подпространства слишком близко к краю защиты — во время ее пульсации мы оказались за оболочкой... Нас ждали. Не прошло и пары секунд... как трое...

Он не мог дальше говорить. Лица альфиан застыли в таком отчаянии, что неосведомленный наблюдатель мог принять их за учеников-миров, которые немилосердно переигрывают в этюде «горе».

— Довольно! — крикнул вдруг самый молодой альфианин, молчавший до сих пор. — Долгое время мы считали «перегрузочную амнезию» просто болезнью, но это и вправду болезнь. Это паралич нашей цивилизации! Как бы ни был велик защищенный сектор пространства, мы — в клетке! Нам не остается ничего, кроме борьбы!

Люди молчали. Да и что они могли предложить альфианам? — Мы не можем противопоставить десмодам оружие, достойное нашего времени и нашего разума, — подхватил председатель Совета пришельцев. — Но мы не можем и ждать. Мы будем охотиться так, как делали это наши предки: при помощи ловушки и приманки. Соорудить ловушку не так уж трудно: это должна быть спираль, что-то вроде плоской раковины с достаточно большим количеством витков из пульсирующей оболочки. Судя по маневренности десмодов, их размеры невелики. На дальних дистанциях они определенно пользуются нуль-перебросками, но по виткам спирали они будут двигаться с какой-то конечной скоростью. Приманку расположим в центре, и как только нападение совершится — выход из ловушки мгновенно будет перекрыт. Десмод очутится в мешке, и притом на школу угодно долгое время!

— Но что вы называете приманкой? — осмелился спросить Ван Джуда.

— Великая Вселенная, он не понял! — воскликнула чернокожая соседка Аны. — Древний закон — жизнь за жизнь, смерть за смерть! В середине «раковины» будет один из нас, и таких добровольцев у нас уже больше полтора миллиона!

— Прибавьте к ним еще и меня, — просто сказал Ван Джуда.

— Исключено, — энергично затряс головой председатель. — Десмод не пойдет в ловушку за человеком. И тем не менее мы приглашаем вас принять участие в этой охоте. Вы уже знаете, что долгое время ваша планета была, так сказать, подсадной уткой в охоте десмодов на нас: как только у вас разразилась война, потоки землетрясения и ужас десятков и сотен людей, этот тысячекратно усиленный сигнал бедствия, разлетался по Вселенной — самые молодые и горячие из нас не могли оставаться в бездействии и бросались к вам на помощь. И подле Солнечной их неизменно подстерегали десмоды. В память тех, кто не вернулся, мы просим вас: заманите, как и прежде, десмодов к Земле. Мы откроем брешь в пульсирующей защите, и десмоды, вообразив, что у вас разразилась очередная катастрофа, ринутся к Земле, ориентируясь на ваш страх, который вы должны будете разыграть...

— А вы уверены, что мы согласимся на столь мизерную роль? — быстро спросил Кончанский.

— Да! Во-первых, это может приманить в одну ловушку сразу большое число десмодов. А во-вторых... мы думаем, что для того, кто будет находиться в «раковине», это сократит время ожидания.

На это уже никто из землян не мог возражать...

— Ждите нас через шесть земных дней. — И экран погас.

— Здесь, — кивнул Магавира, делая второй круг над озерком. — А что это за белая пена вдоль берега? Как хотите, на воду не сяду.

Амфибия взяла вправо и пошла над самой просекой. Два беловатых облака разметулись в разные стороны; расширенный от многолетней нетронутой пыли, темно-синей посадочной полосой проступил внизу асфальт. Как только колеса коснулись его, Рычин, Кончанский и Альгимантас Ота, которого взяли за исключительное знание местности, сдвинули колпаки кабин и одновременно прыгнули на асфальт.

— Синхронность, которой позавидовали бы и десмоды, — мрачно прокомментировал Рычин. — Кстати, не проговорись тогда наши старшие братья по разуму об этой синхронности — черта с два мы догадались бы, что искать надо именно здесь. Зато теперь... Минутку, Маг, дай-ка по этому папоротнику из десинтора — там гады, полагаю...

— Э-э, заповедник ведь! — вмешался Альгимантас.

— Это у него генетический всплеск, — пояснил Кончанский. — У всех кочевников страх перед пресмыкающимися — в крови. Ты сохранил от кочевников еще что-нибудь, а, Рычин?

— Кроме кочевой профессии, незаурядные внешние данные.

— Свирип, поджар и волосат. Дитя табора... Гм, а это что?

У подножья двухметровых папоротников валялся желтый круг с изображением чашки и блюдца.

— Искомая «Лесная лилия», — пояснил Юта. — Вправо, метров двадцать.

— Не мог сесть на крышу; пилот экстра-класса, — бросил через плечо Рычин Магавире и вломился в девственные заросли.

«Лесная лилия» — или, вернее, то, что от нее осталось, — открылась внезапно. Круглое здание без крыши, по форме действительно напоминавшее цветок, было оплетено цепкими лапами необъясненно разросшейся малины; в чаше этого деревянного цветка, словно тычинки, торчали замшелые пеньки, бывшие столбиками и табуретками.

— Воспоминания официантки Алдоны Старовойте, — бодро процитировал Кончанский. — «В тот вечер, как всегда по субботам, танцы начались около семи». Но, коллеги, где же тут развернешься?

Он попытался совершить изящный пируэт в ритме вальса-бостона — «Пьям, па-ра-ра, пьям-па-па... о черт!» — и тут же безнадёжно запутался в переклестнувшейся через перильца хищной малины.

— Танцевать спускались вниз, на уютную площадку, — со знанием дела пояснил Альгимантас. — Там потемнее...

— Значит, мы не можем быть уверенными в абсолютной одновременности всех пяти несчастных случаев, раз было темно?

— Послушай-ка, старина, — урезонил его Рычин, — будем искать не противоречия, а подтверждения нашей гипотезе. Помните: «Раздался дружный крик всех пяти девушек» — значит, одновременный, иначе Старовойте с ее обстоятельностью обязательно указала бы на последовательность событий.

— Что ты меня уговариваешь? — пожал плечами Кончанский. — Я-то тебе верю. И Ота верит. Это Совет — тот не поверит.

— Мы сунем под нос Совету данные такой убойной силы...

— Ну, и какие данные мы получили сегодня? Случай обычного пищевого отравления, да еще и чуть ли не столетней давности.

— Заметьте — о д и в о р е м е н н о г о отравления, — вставил Ота.

— И учти, — Рычин поднял палец, — что из всех посетителей «Лесной лилии» эти пятеро, с точки зрения десмодов, были самыми лакомыми — участники симпозиума по дезактивации искусственных спутников, когда-то использованных для захоронения ядерных отходов. Заласы той неведомой субстанции, которой питаются десмоды, у этой пятерки были максимальными. Ведь не тронули они других!

— Но-но, — сказал Альгимантас. — Это ничего не доказывает. — Не будем спорить о вкусах десмодов. Пора собираться обратно. — То есть как это — обратно? — всполошился Альгимантас. — А все то, что свалилось на этот уголок в последующие годы?

— Но Зарасайский информаторий не дал больше сведений об од-
новременных поражениях, — возразил Рычин.

— Зато неодновременных с тех пор здесь было навалом — неда-
ром озеро заслужило название «проклятого». Прежде всего — повар
той же «Лесной лилии». Спустя полгода после несчастья с радиоло-
гами этот молодой здоровый мужик плеснул себе на ногу горячим
супом и, не успев упасть, был уже мертв.

— Совет скажет — болевой шок, — усомнился Кончанский.

— Может быть, в других краях и есть такие неженки, но только
не у нас. Тем более, что через пару месяцев здешний органист за-
рулил сюда с шоссе и, не сбавляя скорости, помчался по прямой,
пока не врезался в сосну. Сгорел с машиной.

— Совет скажет — замечтался, — резюмировал Рычин.

— Хорошо, а теннисистка из Тарту — ее нашли в камышах, на
дне лодки. И снова никаких следов. Солнечный удар, скажете вы?
Да, конечно. В октябре. Но если у вас не вызывает подозрений тот
факт, что на крошечном пятачке от озера до шоссе — заметьте, не
далее! — за несколько лет произошло около полтора десятков за-
гадочных смертей, то местные жители оказались рассудительнее.
Окрестности заброшенной «Лесной лилии» объявили заповедником...

— Минутку! — прервал его Рычин. — У меня мелькнула занятая
мысль. Если в последующих трагедиях тоже виновны десмоды, ко-
торые раньше никогда не нападали последовательно, то мы имеем
перерождение, а точнее — вырождение этих чудовищ!

— Да-да, — загорелся Кончанский, — после нападения на людей
пятерка вампиров не смогла не только вернуться в свое логово, но
даже переползти через шоссе. Избирательность они тоже утратили.
Выходит, всемогущими их делал интеллект альфиан, а пси-субстан-
ция нас, грешных, привела к деградации?

— Вот именно! И это — главное доказательство того, что десмоды
могут напасть на человека, когда нет выбора. Голод — не тетка.
Ну, Конча, летим в Совет — послезавтра альфиане будут у нас.

—...Как слышимость? Слышимость, говорю? Когда не везет, так
и ее не добьешься. Ну, поздравь меня, золотое мое яхонтовое, мы
погорели синим огнем! Нам-то ясно, что на «Лесной лилии» — это
работа десмодов... Что? Совет? Совету это тоже ясно, но... нам дали
внеплановую связь с Альфой. И что там поднялось! Эти старшие
братья никогда особым воспитанием не отличались, а тут... Они за-
брызгали слюной все пространство между Землей и Альфой. Мы,
видишь ли, сопляки, лезем не в свое дело и подтасовываем факты,
а они остальные «раковины» будут строить в окрестностях Проциона,
а от нас не примут вообще никакой помощи. Они могут... Что де-
лаем? Переходим на открытые пиратские действия. Нет, подроб-
ностей не могу. А ты как?.. Что — никак? Ты же крупнейший специа-
лист по пси-спектрам, как это — не получается? Разве может чело-
век разучиться испытывать страх? Это пожалейте... хоть землетря-
сение... хоть взрыв гипернонной бомбы... Опять не пугаются? Ана,
не паникуй, вылетай в Мамбр. Да, подальше от флегматичных евро-
пейцев... Да, притащу всех, кто под руку попадется...

Жесткая, непросохшая еще лента раскачивалась на сквозняке, от-
свечивала всеми цветами радуги; прозрачный жгут психосоратив-
ной записи бежал по самому ее краю, временами выбрасываясь за
нижний предел. Плохо это было, очень плохо. А как поправить де-
ло, если на всей Земле нет человека, который хотя бы приблизи-
тельно знал, что это такое — пси-соративная запись? Хотя смейся,
хоть плачь — ну совсем как с гравитацией: сколько веков взвешивали
все, от мух до слонов, а в физической сущности гравитации
разобрались всего два века назад. Так и тут: прибыли с Альфы гру-
зовики, киберы вытащили скромные на вид самописцы, соединенные
с бачками, внутри которых по-живому шевелилась лиловая плесень.
Самописец подключался к шлему, который достаточно было надеть,
как из бачка тотчас же начинала выползать вонючая корябящаяся
лента, сверкавшая, как старинная чешская бижутерия.

Рычин с эталонными таблицами в руках бродил по лаборатории,
перебирая каждую такую ленту. Зареванная Ана полудремала в ко-
жаном кресле. Кончанский рисовал десмода, похожего на Рычина.

— А это — со стадионом? — спрашивал Рычин.

— С конгресса врачей, — отзывалась Ана, приоткрывая один
глаз. — Было сообщено, что над Аляской прорвана защита и чет-
веро погибли.

— И никакого страха? — Кончанский придал десмоду выражение
крайнего разочарования.

— Легкий фон. А эти крупные двухрядные зубцы, как у акулы, —
это профессиональное любопытство. Вот оно в чистом виде. А плен-
ка со стадионом — в углу. Там мы тоже оскандалились...

— Ну уж я тебя попрошу! — взвился Рычин. — Я играл левым
полуконтактным, и когда мяч подали мне и внимание всего стади-
она было приковано к моей персоне — о, какие муки ада я изобразил!
Кончанский, скажи, я талантливо изобразил?

— Эдмунд Кип.

— Вот! А основные компоненты пси-спектров — любопытство и
восхищение. Нет, ошибка была допущена гораздо раньше — когда
заседание Совета транслировалось по всей Солнечной. Человечество
психологически подготовилось сыграть страх, подделать его...
Единственный выход — отложить эту охоту, черт побери!

— Мы этого не делаем, — раздался звонкий, словно отражен-
ный от металла голос. — Охота начнется сразу же, как только бу-
дет готова первая ловушка, то есть меньше чем через десять дней.

Все невольно вскопили. Когда входил он, все превращались в
притихших школьников, не справившихся с уроками.

— Мы не выполнили вашу просьбу, — с усилием проговорила
Ана. — Ни один спектр, полученный нами, не совпал с вашим эта-
лоном. Вот они, можете убедиться сами. Поэтому мы и просим у вас
несколько месяцев, чтобы у людей сгладилась эта готовность и зо-
б р а ж а т ь страх.

— Нет, — повторил он так небрежно, словно отмахнулся от чего-

то несущественного. Казалось, сейчас его больше всего на свете ин-
тересуют радужные ленты, он дергивал их с проволоки, на которой
они сушились, и швырял на пол.

— Это все — в утилизатор. А там что?

В нише, куда он показывал, громоздились плоские коробки.

— Там учебный архив, — пояснила Ана. — Попытки освоить ап-
паратуру. Здесь — выделение эмоций в чистом виде, здесь — сум-
марные шумы, в основном — уличные, а тут — так, разное.

Альфянин схватил это самое «разное», вытряхнул содержимое
коробки на пол и уселся на корточках, углубившись в исследование
старых, потрескавшихся лент.

— А это что? — вдруг закричал он сердито. — Брак? Или запись
через узкие щели? Невероятная чистота! Нет, это не может быть
первичным импульсом — явно одна из составляющих, выделенная
искусственно... Но как? Мы же вас этому не учили?

— И не брак, и не щели, и не составляющая... — Ана пыталась
разобрать условные значки, выцарапанные иглой по краю ленты.

— Да что же это? Что? Что, я вас спрашиваю?! — альфианин
схватил ее за плечи и весьма ощутимо встряхнул — да, хорошие
манеры не входили в число достоинств старших братьев по разуму...

Но Ана почему-то медлила с ответом и вглядывалась в лицо свое-
го собеседника как-то особенно долго и пристально.

— Запись сделана в вольере с человекообразными обезьянами, —
произнесла она наконец. — Реакция на появление змеи.

— Но на нашей Альфе нет... э-э-э... альфообразных... — с не ожи-
данной растерянностью протянул пришелец. Лицо и волосы его
мгновенно обесцветились, как это бывало тогда, когда альфиане
общались между собой на значительном расстоянии. И действитель-
но, прошло около десяти минут, и вдруг в комнату ворвались чет-
веро из тех, что прибыли вместе с ним. Все так же не произнося ни
звука, но ожесточенно жестикуюли, они прямо-таки вырывали
друг у друга ленту с удивившей их записью.

— Транслятор! — крикнул кто-то из них.

Приемная кассета транслятора жадно втянула в себя ленту, по-
слышалось зудение — и лица альфиан снова неузнаваемо искази-
лись. Они поголубели, полиловели; утончившиеся губы были мучи-
тельно закушены, у кого-то задергалась щека, кто-то сжал виски
кулаками — это было такое невероятное, тысячекратно усиленное
сопереживание чужой боли и чужого страха, что Ана не выдержала
и вскрикнула. И тогда случилось и вовсе неожиданное: тот альфиан-
нин, что стоял ближе всего к ней, мгновенно развернулся, как-то
даже не глядя схватил ее (получилось — за волосы, словно утопаю-
щую) и, рывком подтянув ее к себе, согнулся, закрывая ее своим
телом...

Кончанский ударил кулаком по клавише транслятора — зудение
прекратилось. Все — и альфиане, и земляне — облегченно встряхну-
лись, сбрасывая с себя это наваждение. Ана сердито фыркнула,
освобождаясь от своего непросоленного защитника, и принялась при-
водить в порядок свои волосы. Всем было чуточку неловко.

— Мы сейчас свяжемся с базой, — проговорил один из гостей, —
и думаю, что мы воспользуемся аналогичными записями... Правда,
эффект был бы во много крат сильнее, если бы поток пси-импульсов
непосредственно выходил в космос, а не транслировался по записи.

— То есть перенести клетки с обезьянами прямо на буй?

— Именно! Хотя... животные находятся у вас под охраной?..

— Ну, Совет пойдет на исключение, — сказал Рычин. — Глав-
ное — успеть насобирать обезьян по всем зоопаркам...

— Да, времени у нас и у вас в обрез.

— Если бы вы так не торопились... — начал Кончанский, но дверь
за пришельцами уже закрылась — они никогда не прощались.

— Ну, у нас-то времени меньше, — Ана ринулась к пульту пере-
датчика. — Я даю запрос на обезьян и питомов. Кончанский с Руого-
маа готовят к их приему ракетодром в Куду-Кюель. Рычин, ты от-
вечаешь за то, чтобы среди твоих пилотов не было... м-м... чужих.

— Постараюсь. Прихватчу еще ракет, бенгальских огней и сирен.

Но боюсь, что кому-то из нас придется остаться в Совете...

— Зачем? — запротестовал Кончанский. — Какой смысл контро-
лировать Совет, если его от буя будет отделять двухдневный пере-
лет?

— Не время спорить, — прервала их Ана, — действовать пора.
Тем более, что теперь выяснено главное. Что именно? А вот что:
когда я держала в руках пленку с «обезьяньей» записью, я уже
давно поняла, что это такое, а они продолжали спрашивать. Я по-
старалась собрать всю свою волю, чтобы усилить свой пси-поток —
они его не приняли! Значит, наших мыслей они читать не могут.

— Это, действительно, главное, — пробормотал Рычин, — Нас
завержила их способность чернеть и зеленеть, обрастать носами и
ушами... А ведь это бутафория, и только. Дешевые трюки.

— И еще, — сказала Ана. — Хотя они все и выше нас на голову
и лапы у них — будь здоров, но я должна полететь тебе, Рычин:
по-моему, мышцы у тебя сильнее...

Огромный космический лайнер — флагман Солнечной армады —
неподвижно застыл на приколе у только что возведенного буя — с
той стороны, которая находилась под укрытием пульсирующей за-
щиты. Через некоторое время он должен был отойти отсюда, унося
на своем борту всех членов объединенной экспедиции — впрочем,
нет, не всех. На бую навсегда оставался тот, кого и на Земле, и на
Альфе называли просто ОН, хотя имя его было всем известно:
Сере Д. Обитателям Земли, естественно, хотелось бы запомнить
не только имя, но и облик пришельца, но это желание было невы-
полнимым, так как альфиане не имели постоянного лица и меняли
его непостижимым образом. Да, многое людям было недоступно: вот
и сейчас они находились на борту корабля, выстроенного по аль-
фианским чертежам и из сплавов, найденных альфианами; прик-
рывала их пульсирующая защита, созданная сетью неземных излу-
чателей. Этот буй был выстроен тоже не людьми — его соорудили
автоматы, и только увидев размеры этого гиганта, люди поняли,
почему его можно было построить лишь в окрестностях Сатурна —
из огромного числа каменных глыб, составляющих верхний разре-
женный слой кольца планеты, киберы выудили несколько обломков
пommele, расплавили их и из этого расплава соткали тончайшее кру-

жево космической станции, раскинувшей свои ажурные витки на добрый десяток километров. Плотной была только центральная часть этой спирали, не более шестисот метров в поперечнике. С одной стороны, обращенной к Солнцу, она была выпуклой; в глубине выпуклости таились генераторы гравитации, лифт, соединяющий «ночную» сторону с «дневной», и излучатели, обеспечивающие постоянную защиту трюмов. «Ночная» сторона представляла собой плоскость, накрытую сверху прозрачным колпаком, под которым свободно мог бы поместиться лондонский Тауэр. Два внутренних витка спирали помещались под куполом, вдоль стен которого тянулись бесконечные клетки с обезьянами. Дальше, за пределами купола, сплошная поверхность кончалась и начиналось каменное кружево, в причудливый рисунок которого вплятались все последующие витки пульсирующего коридора, широким раструбом открывающегося в Пространство, словно зазывая, заманивая оттуда неведомых грозных чудовищ, которые столько лет оставались безнаказанными и неуязвимыми. И — голодными.

А посередине твердого диска, возле центральной башни, виднелось что-то голубое, небольшим озерком растекавшееся по поверхности. Лишь те, кто побывал под куполом, знали, что это не вода, а шелковистая и теплая альфианская трава. Напротив башенки, по другую сторону голубой лужайки, установлен экран, на котором видно все, что делается в кают-компании лайнера.

Все это, возведенное в неопределимо короткий срок, было чудом, но все-таки людей больше поражала не техника, а нестученная, фантастичная воля альфиан, решивших во что бы то ни стало очистить космос от невидимых хищников и не желавших откладывать эту фантастическую охоту на десмодов ни на день, ни на час, ни на миг.

Что могли поставить рядом с этой техникой и этой волей люди Земли, которые еще два десятилетия назад казались себе такими целеустремленными, такими мудрыми, такими всемогущими?

Да только то, что они были людьми.

Четверо альфиан сидели за узким и длинным столом в кают-компании космолета, совсем как во время межпланетных встреч двух Советов. Только теперь это были не изображения, а живые, вполне реальные великаны. Но сейчас их рост не бросался в глаза, потому что люди не сидели, как обычно, а стояли сзади, за креслами, являя собой то ли бездейственный почетный караул, то ли второй ярус зрителей. Взгляды всех восьмерых были прикованы к круглому, как иллюминатор, экрану. А сколько таких же экранов, установленных на Земле и на Альфе, собрало около себя жителей обеих планет? И на всех этих экранах медленно двигалась к центру, к теплой голубой лужайке, прямая фигура в белом. Жителям Земли она, вероятно, казалась ожившим гипсовым слепком с альфианина — у самих же альфиан такой ассоциации возникнуть не могло просто потому, что они не знали, что такое «скультура».

С. Сеге Д опустился на траву у самого подножья башни, согнул колени и обхватил их руками. Так сидят, часами глядя в море. Но С. Сеге Д видел перед собой только экран, с которого смотрели на него, не мигая, четверо его соплеменников. Перед ними на полированной поверхности стола мерцали две огромные кнопки — как глаза андерсеновской собаки, те самые, что размером с чайное блюдце. Ловушка была наготове, все башенки с генераторами, усилителями и отражателями находились под напряженным пси-током, но пока еще система раковины была укрыта общей защитой, протянувшейся над всей Солнечной.

С. Сеге Д кивнул, и старший из альфиан положил ладонь на первую клавишу — она слегка вдавилась и затеплилась красноватым тревожным светом. И в тот же момент над обезьянскими клетками рванули петарды, взвились ослепительные гирлянды бенгальских огней, и в каждой клетке отодвинулся заслон, открывающий спрятанным за ним змеям доступ в вольеры.

Иступленные визги обезумевших от ужаса животных, треск магия и неистовое метанье огня достигали голубой лужайки, но С. Сеге Д не замечал ничего этого. Он сидел, опираясь плечами о чуть вибрирующую стенку генераторной башенки, и ждал, когда старший нажмет следующую клавишу, выпускающую в просторы Вселенной этот поток животного ужаса. Для этого нужно было только спустить фронт общей защиты под поверхность буга, оставляя купол и витки «раковины» в незащищенном пространстве.

И вдруг С. Сеге Д почувствовал то, что в данной ситуации никак не могло происходить: кто-то тронул его за плечо. Он вскинул голову — над ним стоял коренастый черноволосый землянин с хищным, напряженным лицом. Ошеломленный альфианин попытался подняться, но в этот момент жесткий и короткий удар сбоку по шее отключил его сознание, и он уже не увидел, как с завидной синхронностью четверо его соплеменников, сидевших за столом, были захлестнуты веревками, прикручены к креслам и задвинуты в угол.

Кончанский, Ван Джуда, парапсихолог Юнг и Руогомаа встали у стола. Они выжидали секунды, за которые Рычин должен был оттащить обмякшее тело к люку, из которого выглядывал уже бывший наготове Брюнэ, корабельный врач космолета.

— Давай прямо на катер, — сияющим шепотом, словно их мог кто-нибудь подслушать, приказал Рычин, втискивая С. Сеге Д в узенький люк. — И не торопись приводить его в себя. Ну, пошел...

Он захлопнул ногой крышку люка, побежал назад, на бирюзовую полянку, и, догадываясь, какие тексты принимает сейчас фонотайп лайнера как с Земли, так и с Альфы, кричал на бегу:

— Руби канаты, ребята! — и увидел на экране, как широченная ладонь Кости Руогомаа легла на вторую клавишу.

Он знал, что человеку не дано чувствовать пси-процессы, но ему все-таки показалось, что потянуло пронизывающим холодом, словно где-то распахнулась гигантская дверь в ледяную пустоту, и чтобы никто не догадался о его ощущениях, он заговорил:

— Пока со мной ничего. Может, мне что-нибудь почитать, чтобы вам было заметнее, когда я... А? Да вот хоть это: «Это было в праздник Сант-Яго, и даже нехотя как-то, когда фонари погасли...» Ломятся в дверь, да? Правильно сделали, что заперли. «...И песни сверчков разгорелись...» — он искал глазами то место, где совсем недавно трава была прижата, но она уже распрямилась, словно минуту назад тут и не сидел альфианин. Ужас пустоты улетучился, и

было Рычину спокойно, и впервые за долгое время вперед не маячило никаких дел, и можно было валяться на траве и читать то, что он любил больше всего на свете, и желать только одного: чтобы дверь в кают-компанию открылась и вошла Ана.

— «...Я поступил как должно, как истый цыган: подарил ей...» — он поперхнулся и замер, потому что увидел Ану Элизастегги, и вовсе не на экране, а здесь, в каких-нибудь десяти шагах от себя.

Она стояла и смотрела на него, не шевелясь, и по тому, как были напряжены ее плечи, можно было угадать, что заведенные назад руки ее стиснуты намертво и ногти впивались до крови в темные ладони, и так она будет стоять до тех пор, пока это не случится — с ней или с ним, все равно. Он бросился к Ане, совсем не зная, что он будет делать, когда добежит до нее — добежит, спотыкаясь и цепеня, что-то крича сквозь несуетный обезьяний гам, и леденя от того единственного нечеловеческого ужаса, каким бывает ужас не за себя.

— Нас же видят, — проговорила Ана. — Нас видят, Рычин...

Они стояли, держась за руки, и смотрели друг другу в глаза, каждый миг ожидая, что вот сейчас эти глаза не закроются, нет — они опустошатся мгновенным беспмятством, и каждый беззвучно молился, чтобы это произошло с ним, только с ним...

— Вот прошел год... — произнесла Ана, едва шевеля полидовевшими губами, и прошел не год, а бесконечность, когда ее губы снова разжались и по одному их беззвучному движению Рычин понял, что она прошептала: «вот прошло два года...»

И тогда он подумал, что если она скажет «вот прошло три года», — он задушит ее собственными руками, потому что так будет легче и ей, и ему. Но она больше ничего не успела сказать. Глаза ее широко раскрылись, и в них был не страх — недоумение.

— Почему? — крикнула она. — Почему? И кто смог?..

Рычин ошарашено повертел головой, и вдруг понял, что ад кончился, огни затухают, вой сирен переходит на басы, и только перену-ганные змеями охрипшие обезьяны продолжают верещать.

Но почему опыт прекратили, и главное — как это удалось сделать? Ведь перекрыть вход в «раковину» после того, как туда попал десмоды, должно было специальное устройство, не подчиняющееся ни людям, ни альфианам. Он обернулся к экрану — там размахивали руками, прыгали, а главное — пытались перекричать друг друга по меньшей мере человек пятьдесят, то есть вдвое больше, чем могла вместить кают-компания.

— Вниз! — только и понял из всего этого хаоса Рычин.

— Они кричат — немедленно вниз. Случилось что-то экстремальное!

Ана упрямо покачала головой.

— Это приказ!

И видя, что Ана добром все равно не сдвинется с места, он схватил ее за плечи, как когда-то (ах да, два года назад!) ташил обмякшее тело альфианина. И Брюнэ уже отчаянно махал им, высушившись из люка, и вот они уже все четвером (а С. Сеге Д — на полу, как самый крупный и неоместительный) медленно подруливали на малокаботажной ракетке к борту космолета.

— Восемнадцать обезьян разом! — захлебываясь от восторга, новаторял Брюнэ. — Этого ж никто и представить не мог... Может, это вся популяция десмодов, а? Тогда просто счастье, что механизм перекрытия «раковины» работал не только от ваших пси-спектров — мы просто из профессионального любопытства засадили на его вход и био-датчики от обезьяньих клеток. Никто не воспользовался!

— А ерунда, — устало проговорил Рычин. — Ты не был на «Лесной долине», не знаешь. Десмоды, напавшие на людей, не смогли преодолеть даже такой преграды, как шоссе. Можно представить себе, как они деградировали, с голодухи польстившись на обезьян!

— Логично, — сказал Брюнэ. — Ну, подходим — вы бы хоть руки свои пожалели, а то держитесь друг за друга, как...

Ана и Рычин, не сговариваясь, подняли нерасцепленные руки и весьма ощутимо опустили их Брюнэ на шею.

— Вот-вот, — мрачно заметил с пола потерявший былую экспансивность С. Сеге Д. — Вот этого-то мы и не учли — у нас на Альфе такого просто не бывает... — он задумчиво глядел неправдоподобный, чернильно-лиловый вздувшийся рубец. — Шею не повернуть...

— А мы вот такие, — сказал Рычин, у которого зубы еще полягивали от нервного возбуждения. — Мы такие, со всеми нашими страхами и рукоприкладством, и некоторой технической смекалкой, и неподчиняемостью высшему командованию... если, конечно, всерьез предположить, что высшее командование ни о чем не догадывалось. Люди, в общем. Среди всех известных нам гуманоидов — не сахар, я думаю.

— И все-таки, — задумчиво проговорила Ана, — почему десмоды выбрали обезьян, а не людей?

— Да потому, — с некоторым мнительным злорадством пояснил С. Сеге Д, — вы настолько боялись друг за друга, что среди тридцати тысяч пси-спектров такого же нечеловеческого ужаса вас отыскать не смогли даже десмоды. Не разобрались. Обезьяны должны были дать только сигнал, а оказались приманкой.

— Ну, спасибо, — шуточно поклонился Рычин, — приравняли...

— Пожалуйста, — распылился альфианин, все еще поглаживая шею. Ракета подошла к причальному кольцу, покачалась и замерла.

— Приехали, спасители Вселенной, — сказал Брюнэ. — Вылезайте